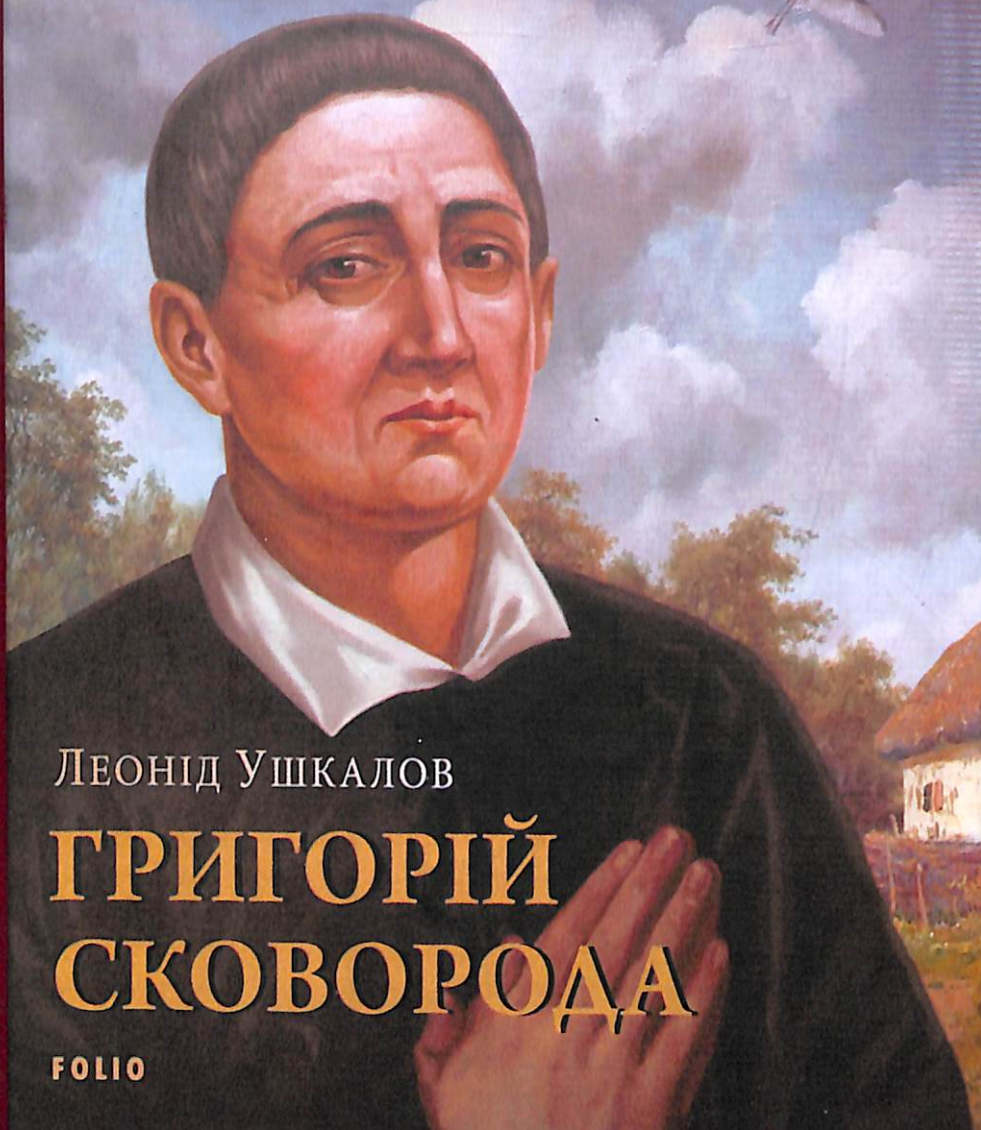

ЗНАМЕНИТІ УКРАЇНЦІ

94 (4.22)
У 95

ЛЕОНІД УШКАЛОВ

ГРИГОРІЙ СКОВОРОДА

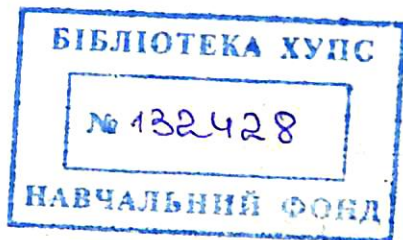
FOLIO

94(477)
У95

ЗНАМЕНІТІ УКРАЇНЦІ

Леонід
Ушкалов

ГРИГОРІЙ
СКОВОРОДА

Харків
«Фоліо»
2019

УДК 929:130.2
У 95

Серія «Знамениті українці»
заснована у 2009 році

Художник-оформлювач Є. В. Вдовиченко

Надруковано на замовлення
Міністерства інформаційної політики України
ДЛЯ БЕЗКОШТОВНОГО РОЗПОВСЮДЖЕННЯ

У разі якщо ви придбали цю книгу,
просимо повідомити на адресу:
books@mip.gov.ua

Ушкалов Л. В.

У 95 Григорій Сковорода / Леонід Ушкалов; худож.-оформлювач Є. В. Вдовиченко. — Харків: Фоліо, 2019. — 123 с.: іл. — (Знамениті українці).

ISBN 978-966-03-5098-4

(Знамениті українці).

ISBN 978-966-03-9031-7.

Просвітител, філософ, поет Григорій Савич Сковорода (1722—1794) — видатний український мислитель, один із найбільших і найзагадковіших християнських філософів світу. Освіту він здобув у Києво-Могилянській академії. Блискуче знання мов, поезії й риторички, античної й нової філософії поєднувалося у ньому з неабиякими здібностями в галузі літератури і мистецтва. Переслідуваний світськими та духовними властями, з 1770-х років Сковорода вів життя мандрівного філософа і протягом 25 років побував у багатьох містах і селах України, проповідуючи свої ідеї. Через пісні, кантати і псалми він поширював свої філософські погляди, таврував соціальне зло, уславляв природу, волелюбність людини.

УДК 929:130.2

ISBN 978-966-03-5098-4

(Знамениті українці)

ISBN 978-966-03-9031-7

© Л. В. Ушкалов, 2009

© Є. В. Вдовиченко, художнє оформлення,
2019

© Видавництво «Фоліо», марка серії, 2009

Мир ловил меня, но не поймал.
Григорий Сковорода

Эта книга — об одном из крупнейших и самых загадочных христианских философов мира. Когда-то давно выдающийся украинский мыслитель Дмитрий Чижевский, тот самый, которого Ганс Георг Гадамер не без основания сравнивал с Лейбницем, писал: «Наверное, ни об одном философе в мире не высказано таких противоположных мнений, как о Сковороде. Сейчас существует не менее 250 больших и малых трудов, посвященных Сковороде, который — как это общепризнано — является наиболее интересной фигурой истории украинского духа. В этих трудах — можно сказать без преувеличения — нашли свое отображение, наверное, не менее 250 разных взглядов на Сковороду...». Так начинается Чижевский в 1933 году свою знаменитую книгу «Философия Г.С. Сковороды». Сегодня же трудно просто перечислить, сколько этих «больших и малых трудов», посвященных Сковороде, появилось повсюду: в Украине, Австрии, Австралии, Англии, Армении, Бразилии, Венгрии, Германии, Грузии, Испании, Италии, Канаде, Молдове, Польше, России, Румынии, Сербии, Словакии, США, Фран-

ции, Чехии... Можно лишь однозначно утверждать: количество посвященных Сковороде работ уже давно перевалило за пять тысяч. И в этих работах — масса различных наблюдений, суждений, толкований... Григорий Сковорода волнует умы своей глубиной и непостижимостью.

Представим себе тихое теплое лето. Вечереет. Усадьба великого писателя и моралиста графа Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне утопает в роскошной зелени. А сам хозяин сидит в своем рабочем кабинете за столом. Он внимательно читает солидный том — харьковское издание произведений Сковороды 1894 года (эта книга и сейчас хранится в фондах личной библиотеки Толстого). Украинский философ поразил его. И когда спустя некоторое время кто-то из друзей Толстого упомянул в беседе Сковороде, тот сразу же оживился. «Ах, Вы знаете Сковороду! — радостно воскликнул граф. — А какое удивительное лицо!» И немного помолчав, добавил с той нежностью в голосе, с которой говорят о родном человеке: «Многое из его мировоззрения мне так удивительно близко! Я недавно только что еще раз перечитал его. Мне хочется о нем написать. И я это сделаю. Его жизнеописание, возможно, еще лучше, чем его произведения. Но как хороши и произведения!»

Рассказ о Сковороде Лев Толстой действительно написал. И в этом рассказе есть примечательная фраза: «Сковорода учил, что святость жизни только в делах». Говорят, что когда осенью 1910 года, перед самой смертью, Толстой якобы ни с того ни с сего надумал бежать куда глаза глядят из Ясной Поляны, то этот просто-таки отчаянный шаг был не чем иным, как следованием «уходу от мира» Григория Сковороды. Един-

ственное, в чем было отличие, — граф Толстой ушел от мира, чтобы умереть, а Сковорода отрекся от мира в расцвете сил, чтобы жить...

А вскоре после того как не стало Толстого, в степном украинском Елисаветграде шести- или семилетний Арсений Тарковский, наверное, лежа в постели (мальчик был очень болезненным), впервые в жизни слушал стихи и басни Сковороды, которые читал ему доктор, давний приятель отца и горячий поклонник странствующего философа Афанасий Михалевич. Подаренные Михалевичем произведения Сковороды (едва ли не первая собственная книга Арсения Тарковского, то самое харьковское издание, которое было и у Толстого) поэт будет перечитывать всю жизнь, чтобы уже в преклонном возрасте написать несравненный по глубине и изысканности поэтический образок «Григорий Сковорода»:

Не искал ни жилища, ни пищи,
В ссоре с кривдой и с миром не в мире.
Самый косноязычный и нищий
Изо всех государей Псалтыри.

Жил в сродстве горделивый смиренник
С древней книгою книг, ибо это
Правдолюбия истинный ценник
И душа сотворенного света...

Это уже классические сюжеты. А вот и наше время. Конец июня 2001 года. Златоверхий Киев. Папа Римский Иоанн Павел II выступает в Марииинском дворце. Выдающийся церковный деятель, роль которого в новейшей мировой истории трудно переоценить, а кроме того, еще и блестящий богослов,

философ, поэт и политик, Иоанн Павел II говорит о христианских корнях нашей тысячелетней духовной традиции. «Дорогие украинцы, — произносит понтифик, — именно христианство дало вдохновение вашим выдающимся деятелям культуры и искусства, оно щедро оросило моральные, духовные и общественные корни вашей страны». А далее Иоанн Павел II цитирует всего две строки из стихотворения Григория Сковороды на латыни. Но что это за строки! На волнах их грациозного ритма — и щемящее ощущения бренности бытия, и чистые, как роса, вера и надежда, и любовь как присутствие Бога в мире:

Все пройдет, лишь любовь никогда не проходит,
Все пройдет, но не Бог, не любовь¹.

«Только человек, глубоко проникшийся христианским духом, мог иметь такое вдохновение, — продолжает Папа. — В его словах мы находим отголоски Первого послания святого апостола Иоанна: «Бог есть любовь, и кто пребывает в любви, тот пребывает в Боге, а Бог пребывает в нем».

А еще спустя два года после этого выступления в Киев приехал один из популярнейших писателей современности Паоло Коэльо. Этот харизматичный для многих автор, герои которого постоянно стараются словно заглянуть за кулисы земного театра, в интервью изданию «Академия» попытался изложить свои собственные взгляды на жизнь и будто между прочим заметил: «Я знаю, что в Украине 280 лет тому назад родился великий философ и поэт Григорий Сковорода, который отстаивал первенство духа. Мне кажется, что он, может

¹ Перевод Леонида Ушкалова.

быть, как никто другой в Европе, сумел придерживаться в жизни знаков судьбы... У Сковороды есть также один важный постулат: «Бог сделал трудное ненужным, а нужное — легким». Именно поэтому, сказал автор «Алхимика», вопреки своей отнюдь не гармоничной эпохе Сковорода смог достичь «незаурядной внутренней гармонии с судьбой».

Даже эти крупницы эпизодов из жизни таких непохожих друг на друга, но, безусловно, незаурядных людей красноречиво свидетельствуют о немалом значении философии и поэзии Сковороды в истории мировой культуры.

Что уж тогда говорить об украинской традиции! Украину трех последних столетий просто невозможно представить без Сковороды. Еще в середине XIX века наш выдающийся историк Николай Костомаров писал: мало кого народ так почитает и помнит, как Сковороду. На всем просторе от Острожска до Киева во многих домах есть его портреты, каждый образованный украинец знает о нем; его имя известно и многим неграмотным людям. А еще раньше, в 1831 году, воспитанник Харьковского коллегиума, сенатор, писатель и мистик Федор Лубяновский на какой-то почтовой станции спросил у старого слободского крестьянина, помнят ли люди про Сковороду. «Сковорода был человек разумный и добрый, — ответил на это старик, — учил и нас добру, страху Божиему и упованию на милосердие распятого за грехи наши Христа...»

Да и наша литературная традиция в поисках собственной идентичности снова и снова обращалась к миру сковородиновских идей и образов. Уже родоначальник новой украинской литературы Иван Котляревский смотрел на жизнь «оком

сковородинца». По крайней мере, когда в финале знаменитой «Наталки Полтавки» пан Возный по фамилии Тетерваковский (тот самый, который в первом действии пел песню «Всякому городу нрав и права») все-таки не стал делать зла, вспомнив, что он «от рожденья ... расположен к добрим ділам», а Мыкола и Выборный хвалят полтавчан за их добродетель, на ум сразу же приходит притча Сковороды «Убогий Жаворонок»: и легкомысленный тетерев Фридрих, и мудрый жаворонок Сабаш, и образ Украины как последнего отблеска того «золотого века», когда люди уважали правду по собственной воле, а не по принуждению... Одним словом, основная идея «Наталки Полтавки» — «сродность» украинцев к добру и их «несродность» ко злу — прямо вытекает из философии Сковороды.

Писателем-«сковородинцем» был и Григорий Квитка-Основьяненко. Говорят, Квитка любил рассказывать о своем знакомстве со Сковородой, о каких-то подробностях жизни философа и о его взглядах на мир. Неудивительно, что между философией Сковороды и мировоззрением Квитки можно провести немало красноречивых параллелей. Но, наверное, наиболее выразительно «сковородинство» Квитки-Основьяненко просматривается там, где речь заходит о Божьем промысле и «сродности» человека: «Не одинаковы звездочки на небесах, не одинакова и деревня по садам, — говорит героиня повести «Вот любовь» Галочка. — Не будет вишенка цвести яблоневым цветом, ей положен свой цвет. Не примет березонька липового листочка. Не выберет соловейко самочки не из своего рода. Всему свой закон, а человеку — еще и более того». Галочка, словно послушная ученица Сковороды, говорит здесь

о Божьей «экономии», то есть о непостижимом для человеческого понимания премудром устройстве мира. Характерный для учения Сковороды христианский платонизм, который превращает весь мир в нечто вроде божественного театра марионеток, где смех и слезы являются непременными составляющими космического равновесия и гармонии, раскрывает и глубинную сущность трагедии героини Квитки. Галочка — лишь игрушка в руках всесильной судьбы. Выходит так, что эта девушка и родилась только для того, чтобы умереть от любви. Это действительно трагедийный образ, поскольку источник трагедии скрыт не в ней, не в ее собственных ошибках или пристрастиях, он — в причудливых лабиринтах Божьего промысла. И Галочка целиком полагается на волю Творца. Она воспринимает мир таким, каким он есть. «Философия Квитки, — сказал однажды Василий Бойко, — это философия колыбельной песни, чтобы спало дитя без грусти и забот». Но одновременно — это и философия жизни Сковороды, ведь тот, по словам его любимого ученика и первого биографа Михаила Ковалинского, «поверг себя в волю Творца..., дабы промысл Его располагал им, как орудием своим, где хочет и как хочет».

Сковородиновские набожные песни знал и гениальный поэт и художник Тарас Шевченко. Вспоминая о своем детстве, Кобзарь писал:

Давно те діялось. Ще в школі,
Таки в учителя-дяка,
Гарненько вкраду п'ятака —
Бо я було трохи не голе,
Таке убоге — та й куплю

Паперу аркуш. І зроблю
Маленьку книжечку. Хрестами
І візерунками з квітками
Кругом листочки обведу
Та й списую Сковороду...

Поэтому вряд ли случайно довольно мрачное философское начало шевченковской комедии «Сон» — того самого произведения, которое сыграло фатальную роль в жизни поэта, звучит как отзвук знаменитого сквородиновского псалма «Всякому городу нрав и права»:

У всякого своя доля
І свій шлях широкий:
Той мурує, той руйнує,
Той неситим оком
За край світа зазирає...

Уже на переломе XIX и XX столетий Иван Франко, говоря о близких его сердцу писателях, тех, которые умеют по-настоящему «любить и ненавидеть, сходиться с ума и бороться, плакать и смеяться», вспоминает Сковороду и, в общем, высоко его ценит. «Григорий Сковорода, — говорит он, — явление весьма заметное в истории развития украинского народа, может быть, самое заметное из всех духовных деятелей наших XVIII века». Еще больший вес имел Сковорода в то время для модернистов. Недаром же один из ведущих теоретиков украинского модернизма Андрей Товкачевский, рассматривая жизнь и философию Сковороды сквозь призму ницшеанских идеалов, с восторгом пишет: природа создала Сковороду, наверное, только для того, чтобы удостовериться в собственной способности «творить не только ничемных филяров, но и богов». Но настоящим символом на-

шей духовной культуры с давних пор до сегодняшнего дня Сковорода станет во времена украинского Ренессанса 1920-х годов. Именно тогда Павло Тычина посвящает ему сборник «Вместо сонетов и октав» и начинает работу над поэмой-симфонией «Сковорода», которая по грандиозности замысла должна была стать «украинским «Фаустом»» XX столетия, Гнат Хоткевич ищет в учении Сковороды экзистенциальное убежище, герой рассказа Сергея Пилипенко «Ледолом» утверждает идею свободы словами Сковороды «Весь мир спит...», Мыкола Хвылевой называет его «великим украинским философом», Михайло Ивченко рисует образ Сковороды в повести «Напоенные дни», Юрий Яновский упоминает его как человека-«европейца» в романе «Четыре сабли», Валериан Полищук в своем «биографическо-лирическом» романе «Сковорода» показывает философа отважным путешественником «в глубины духа», Михайло Драг-Хмара примеряет образ Сковороды-странника на самого себя («Розп'ятувавсь лютий надаремне...»), Мыкола Зеров берется за переводы написанной на латыни поэзии Сковороды, Юрий Клен начинает свой путь украинского поэта сонетом «Сковорода», а Максим Рыльский в стихотворении «Китаев» видит странствующего философа предтечей нового мира:

Хай прикладаються прочани
До переляканих ікон,
Хай прорікає Первозванний
Царів, панів, корону й трон. —

Та з палицею пілігрима
У нові села й городи
Прямує тінь неутолима
Григорія Сковороди.

Сковорода — едва ли не единственный украинский классик, который выдержал ту кардинальную переоценку ценностей, которая происходила в нашей культуре в 1920-х годах. Даже для самых ярких радикалов того времени он остался знаковой фигурой. Недаром же тогда бытовало мнение, что молодые идеалисты, которых называют «первыми храбрыми», — творцы «октябрьской» Украины — в своих интеллектуальных поисках шли дорогой «от Сковороды к Марксу». Правда, уже совсем скоро выяснилось, что дорога «от Сковороды к Марксу» — это дорога в никуда, дорога от полноты бытия к полному небытию.

И когда поколению детей Второй мировой войны, как скажет юная Лина Костенко, «надоели ведьмовские шабашы фикций», в поисках истины оно снова возвращается к философии и поэзии Сковороды. Именно в ней следует искать истоки культурного и политического сопротивления блестящей плеяды украинских «шестидесятников». Вспомним хотя бы образ Сковороды-«перворазума» в «Индустриальном сонете» Мыколы Винграновского, вариации на темы Сковороды у Василя Симоненко, Ивана Драча, Бориса Олійника, Дмитра Павлычко, «Сад нетающих скульптур» Лины Костенко, поэзию Василя Стуса, который с полным на то правом называл Сковороду одним из своих «лучших друзей», публицистику Ивана Дзюбы и Евгена Сверстюка, сквородиновские исследования Валерия Шевчука... А по ту сторону «железного занавеса» Игорь Костецкий назовет Сковороду одним-единственным учителем современной Украины (Ргаесептор Усраїнае), человеком, представляющем ту украинскую культуру, «которая имеет общечеловеческое значение», Василь Барка определит свое жизненное

кредо словами: «Мир меня поймал, но не удержал» — и станет отшельником, так, как и Сковорода. Дмитрий Донцов посвятит последние дни работе над статьей «Путеводная нить Григория Сковороды нашей современности» (последняя страничка рукописи так и осталась в его пишущей машинке).

Да и для украинского постмодерна наш старый философ весьма привлекателен — например, можно вспомнить экстравагантный образ Сковороды как «первого украинского хиппи» Юрия Андруховича, или то, как внимательно вглядывается в образ Сковороды героиня повести Оксаны Забужко «Иноплетянка», когда пытается найти смысл той вряд ли достижимой для смертного человека полноты бытия, которую она называет «третьим уровнем свободы». Кем же он был, размышляет она: «народным любимцем, умницей со свирелью», или «мрачным отшельником, никем не понятым «человеком Божьим», людской милостью живущим?...» Если бы она спросила об этом у самого Сковороды, то трудно сказать, что бы он ответил. Жизнь человека философ представлял по-разному. Он мог вслед за Иовом сказать, что жизнь — это повседневная борьба (естественно, не в смысле «житейской борьбы», а в смысле «духовной войны»-психомахи), мог говорить о жизни как о грандиозном вселенском представлении, автором и режиссером которого является сам Господь... Но скорее всего, Сковорода сказал бы, что был в этом мире всего лишь беззаботным пилигримом, чьи ноги ходили по земле, а сердце утешалось покоем где-то далеко-далеко на небесах. По крайней мере уже под конец жизни, в роскошно-барочной мистерии «Борьба архистратига Михаила с Сатаной», философ в первый

и в последний раз изобразил себя именно в таком образе. Якобы Божьи архангелы, устроившись на радуге, смотрят сверху на землю и видят там, в стороне от всяческого суетящегося люда, одинокого странника Сковороду: «Он шествует с жезлом веселыми ногами и местами и спокойно воспеваает: «Пришелел я на земле, не скрой от меня заповедей твоих». Воспевая, обращает очи то налево, то направо, то на весь горизонт; почи- вает то на холме, то при источнике, то на траве зеленой; вку- шает пищу беспритворную, но сам он ей, как искусный певец простой песне, придает вкус. Он спит сладостно и теми же Божиими видениями во сне и вне сна наслаждается. Встает утром свеж и исполнен надежды... День его — век ему и есть как тысяча лет, и за тысячу лет нечестивых не продаст его. Он по миру паче всех нищий, но по Богу всех богаче... Сей стран- ник бродит ногами по земле, сердце же его с нами обращается на небесах и наслаждается».

Людские глаза — не ангельские. Где-то примерно в то же время пожилого Сковороду видел в Харькове уже упоминав- шийся Федор Лубяновский. Он запомнил его высоким муж- чиной в сером байковом сюртуке и смушковой шапке, с посо- хом в руках, изъяснявшимся на простом слобожанском наречии. Его движения были немного усталыми, а на лице ле- жала печать какой-то особой грусти. За плечами этого удиви- тельного странника было уже немало житейских дорог...